

Н. В. Ким

СУДЬБА ОДНОЙ РУКОПИСИ

В 1968 г. Восточносибирское книжное издательство выпустило в свет книгу Э. П. Зиннера «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века»¹.

В нее вошли разнообразные и подробно прокомментированные фрагменты из различного рода малоизвестных сочинений иностранных авторов, посетивших Сибирь в XVIII столетии.

Одна из глав этой книги посвящена трактату Ренье «Описание бурят», который поразительно сходен с работой другого автора XVIII в. — «Описанием о братских татарах» Михаила Татаринова².

Сопоставление двух работ обнаруживает полную идентичность текстов, совпадают даже названия глав и их нумерация.

Вот несколько примеров.

М. Татаринов

Ренье

Глава 1.

Глава 1.

Откуда произошли

О происхождении бурят

«...бог с неба послал сына и дочь младенцами на Тункинскую гору (Тункинская гора находится недалеко от Тункинского острога) совсем к житию потребных. И вскормлены оные боровом, и по тому суеверию той горе приносят жертву: а оставляют заколотых баранов или что другое съестное.

А нерчинские и селенгинские братские первобытию человека мнят быти на острове Ольхоне, которой на море Байкале, где де есть и поныне котел, в котором первые люди варили себе пищу»³.

«...бог послал с небес на землю, и именно на Тункинскую гору, сына и дочь детей, наделенных человеческими потребностями, где они были воспитаны свиньей (эта гора находится недалеко от Тункинского острога). Поэтому буряты приносят на этой горе жертвы и после того оставляют на ней либо убитую овцу, либо что-нибудь съестное. Нерчинские и селенгинские братские утверждают, что сотворение человека имело место на острове Ольхон, на котором будто бы еще и в настоящее время должен сохраниться котел, в котором первые люди варили себе пищу»⁴.

¹ Э. П. Зиннер, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века, Иркутск, 1968.

² «Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михайлом Татариновым. Подготовлено к печати, снабжено введением и примечаниями Г. Н. Румянцевым (далее — «Описание...»). Улан-Удэ, 1958.

³ «Описание...», стр. 12.

⁴ Э. П. Зиннер, Указ. раб., стр. 191, 192.

Какой закон и чему веруют

«Бога мнят быти небо, солнце, луну и звезды, а особливо Венеру (или зорницу), по братски — Солбон, тако же земле, воде, огню, из птиц веруют в орла, лебедя, из зверей в бобра, медведя и напоследок и самому дьяволу жертву приносят по большей части баранами и выкают на кол и оставляют перед юртами»⁵

Глава IV

О шаманах и колдунах

«Шаманы или колдуны шаманят следующим порядком: как мужчины, так и женщины перво станут в передний угол юрты, надевают на них особливые мальчики платье, которое наподобие долгих и тонких хвостов, как долги епанчи, и навешено премножество колокольчиков и других позвонухек: на голову надевают широкий железный обруч с небольшими двумя рожками»⁷.

Не отличаются сколько-нибудь заметно друг от друга даже предисловия, написанные и Татариновым и Ренье в виде обращения «К читателю».

После краткой общей характеристики бурят М. Татаринов заключает свое предисловие следующими словами: «Я к их похвале или ругательству не касаюсь, а описал, как я сам что точно видел, а другое от разговоров их слышал»⁹.

У Ренье соответствующая часть текста выглядит так: «Я не буду ни порицать, ни восхвалять их, но постараюсь главным образом о том, чтобы с наибольшей точностью и беспристрастьем описать все то, что я сам видел и что услышал из заслуживающих доверия бесед»¹⁰.

Обе работы завершаются небольшим словарем бурятского языка. Как сообщает Э. П. Зиннер, словарь Ренье состоит из 300 с лишним слов, у М. Татаринова же их менее 200. Это, пожалуй, единственное, что отличает одну работу от другой.

Таким образом, очевидно, что и в том и в другом случае мы имеем дело с одной и той же работой, у которой оказалось два автора. Кто же из них действительный, а кто мнимый?

Сочинение Ренье было опубликовано на немецком языке в Аугсбурге в 1780 г. в сборнике исторических материалов «Статьи, служащие к обогащению исторической науки». По свидетельству издателя сборника И. Г. Мейзеля, это сочинение было прислано ему из Москвы проф.

(Э. П. Зиннер не приводит названия)

«Они обожествляют небо, солнце, луну, звезды, Венеру, которая на их языке называется Solbon, далее землю, воду, огонь. Среди птиц почитают они орла и лебедя, из зверей пантеру и медведя, наконец, почитают они самого черта. Жертвы, которые они приносят своим богам, чаще всего состоят из овец, которых они убивают и натывают на жердь перед своей юртой»⁶.

Глава IV

О шаманах и колдунах

«Шаманы или колдуны, безразлично мужчины или женщины, производят свои занятия следующим образом. Они становятся на важнейшее место в юрте, где специально для этого предназначенные мальчики надевают на них соответственные одежды. Шаманская одежда состоит из своего рода длинного одеяния, которое обвешано маленькими колокольчиками и железными бляхами, производящими звон и шум. На голове носят они круглый железный обруч с двумя маленькими рогами»⁸.

⁵ «Описание...», стр. 13—14.

⁶ Э. П. Зиннер, Указ. раб., стр. 192.

⁷ «Описание...», стр. 16—17.

⁸ Э. П. Зиннер, Указ. раб., стр. 193—194.

⁹ «Описание...», стр. 10.

¹⁰ Э. П. Зиннер, Указ. раб., стр. 189.

И. М. Шаденом, который получил его от автора — швейцарца Ренье, служившего в течение нескольких лет в Иркутске в качестве домашнего учителя у губернатора Бриля.

Мейзель сообщает и дату написания статьи — 1774 г., хотя сам Ренье в главе, посвященной бурятскому летоисчислению, пишет о 1769 г.

Поскольку для уточнения этого хронологического противоречия нет достаточных материалов, Э. П. Зиннер предлагает считать, что работа начата с 1767 г., т. е. в год приезда Ренье с семьей Бриля в Иркутск, а окончена в 1774 г., (год, указанный Мейзелем). Как бы то ни было, одно не подлежит сомнению: Ренье приехал в Иркутск в 1767 г. и раньше этой даты не мог приступить к своему труду.

Теперь обратимся к сочинению М. Татаринова. Оно было подготовлено к печати Г. Н. Румянцевым по рукописи, сохранившейся в фондах Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА) в Москве и вышло в свет впервые в 1958 г.

Г. Н. Румянцев указывает, что рукопись датируется 1765 г.¹¹ При этом он ссылается на вторую ее главу, где М. Татаринов, описывая бурятский календарь, говорит: «нынешней 1765 год по их именуется таки, каки «курица», предбудущей 1766 год будет Нохой, или «собака» и так по ряду»¹².

Следовательно, М. Татаринов начал работать над своей рукописью по меньшей мере на два года раньше Ренье, если даже считать, что последний приступил к своему труду в 1767 г., т. е. в год приезда в Иркутск. Другими словами, «Описание о братских татарах», оно же «Описание бурят», принадлежит перу «морского корабельного флота штурману ранга капитана» Михаилу Татаринову, а не Ренье.

Таким образом, Ренье в лучшем случае можно считать переводчиком сочинения М. Татаринова.

К сожалению, о самом М. Татаринове пока известно очень немного. О нем ничего не говорится даже в специальной работе Е. Петряева, посвященной краеведам и литераторам «старого Забайкалья»¹³. По предположению Г. Н. Румянцева, М. Татаринов родился в Иркутске и там же окончил Навигацкую школу, открытую в 1754 г. Но это не согласуется с теми биографическими данными, которые приводит Л. А. Гольденберг в своей книге о Ф. И. Соймонове¹⁴. Л. А. Гольденберг пишет, что 3 марта 1754 г., т. е. в год открытия Иркутской навигацкой школы, М. Татаринов уже был направлен в распоряжение Нерчинской экспедиции, возглавляемой Ф. И. Соймоновым, для выполнения геодезических работ. Находясь в экспедиции, М. Татаринов в 1756 г. вместе со своим товарищем Я. Федоровым описывал Нерчинский район, а к сентябрю следующего года завершил «Журнал описи от села Доронинска по дороге подле речки Тарикачак до реки Хилка и от зимовья, который стоит вверх Хилка, промер реке Хилку и осмотр берегам»¹⁵.

В самом начале 60-х годов М. Татаринов, тогда еще «штурман ранга поручика», составил описание образцов камней Забайкалья. По сообщению Б. В. Александрова, в отделе рукописной книги Библиотеки АН СССР хранится карта Сибири, составленная М. Татариновым¹⁶. Ему же принадлежат «План и проспект города Нерчинска с частью рек Шилки и Нерчи», план г. Селенгинска¹⁷. В годы работы в Нерчинской экспедиции и позднее М. Татаринов много ездил по Предбайкалью и Забайкалью, хорошо изучил этот большой край, жизнь его разноязычных насельни-

¹¹ «Описание...», стр. 5.

¹² Там же, стр. 12.

¹³ Е. Петряев, Краеведы и литераторы Забайкалья, «Материалы для био-библиографического исследования», ч. I, Иркутск-Чита, 1965.

¹⁴ Л. А. Гольденберг, Федор Иванович Соймонов (1692—1780), М., 1966.

¹⁵ Л. А. Гольденберг, Указ. раб., стр. 143.

¹⁶ «Описание...», стр. 7.

¹⁷ Л. А. Гольденберг, Указ. раб., стр. 243.

ков. Его «Описание о братских татарах» является едва ли не первым специальным трудом о бурятах, предвосхитившим соответствующую главу известного сочинения И. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», посвященную бурятам. Труд М. Татаринова по праву можно считать одним из лучших и надежных источников для изучения быта и нравов бурят XVIII в.

Сейчас трудно установить, как попала к Ренье рукопись М. Татаринова. Возможно, рукопись была передана, как и надлежало в ту пору, на просмотр губернатору Брилю. Он принес ее домой, и здесь с нею познакомился Ренье, служивший в семье Бриля домашним учителем.

Ренье, видимо, перевел ее на немецкий язык, и в 1776 г., по приезде в Москву, отдал ее И. М. Шадену как собственное сочинение. Шаден переправил рукопись в Германию, где ее издал Мейзель.

Но на этом не кончились злоключения рукописи М. Татаринова.

В 1789 г. иркутский чиновник Ф. Ланганс написал большое историко-этнографическое сочинение «Собрание известий о начале и происхождении разных племен инородцев, в Иркутской губернии обитающих, о преданиях между ними сохранившихся, о достопамятных происшествиях и о законе и обрядах их»¹⁸. В 1824 г. извлечения из двенадцатой главы этого сочинения, посвященной бурятам, были опубликованы в журнале «Сибирский вестник», издававшемся Г. И. Спасским.

В советское время одним из первых обратил внимание на рукопись Ф. Ланганса и сделал сообщение об истории ее создания известный специалист по сибиреведению А. И. Андреев¹⁹. В 1959 г. с краткой оценкой «Собрания известий...» выступил в печати Е. М. Залкинд, который охарактеризовал это сочинение как ценный источник по истории бурят и высказал мысль о целесообразности его опубликования²⁰. Труд Ф. Ланганса получил высокую оценку также в бурятской фольклористической литературе, в частности в монографии М. П. Хамаганова «Бурятская фольклористика»²¹. Отдельные извлечения из него, относящиеся к бурятам, были опубликованы автором этих строк в 1965 г. в этнографическом сборнике «Культура и быт народов Бурятии»²². Наконец, в 1971 г. И. С. Гурвич посвятил рукописи Ф. Ланганса специальную статью «Первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири»²³.

Все названные исследователи единодушно отмечали, что Ф. Лангансу удалось собрать и систематизировать большой и свежий фактический материал о народах Сибири и на этой основе создать оригинальный сводный труд. Однако двенадцатая глава «Собрания известий...» «О бурятах или братских особлюво» почти вся заимствована либо текстуально, либо в перефразированном виде из работы М. Татаринова.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить две работы.

---

¹⁸ Рукопись «Собрания известий...» Ф. Ланганса хранится в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1-го Сибирского комитета, оп. 1, д. 300. Список рукописи находится, по свидетельству П. И. Каралькина, в Красноярском Государственном краевом архиве Г. Спасского (см. П. И. Каралькин, Об архиве Г. И. Спасского, «Сов. этнография», 1956, № 4, стр. 16).

¹⁹ А. И. Андреев, Топографические описания и карты сибирских наместничеств 1783—1794 гг. и работы, связанные с ними. «Вопросы географии», 1950, № 17, стр. 203—218.

²⁰ Е. М. Залкинд, О некоторых источниках по истории бурят XVIII в., «Краткие сообщения Бурятского комплексного научно-исследовательского института», вып. 1, Улан-Удэ, 1959, стр. 105.

²¹ М. П. Хамаганов, Бурятская фольклористика, Улан-Удэ, 1962, стр. 60—69.

²² Н. В. Ким, Материалы Ланганса о культуре и быте бурят, Сб. «Культура и быт народов Бурятии». вып. 4., Улан-Удэ, 1965, стр. 145—156.

²³ И. С. Гурвич, Первая монография XVIII в. о народах Восточной Сибири. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. 5, М., 1971, стр. 5—14.

«Для военного случая имеют боевки — стрелы с тоненькими круглыми копьями, да есть же, называются кибирь, копейцы, весьма широки и острые, а сверх копейцы — косточка з дырочками, отчего весьма на лету стрела возжит и оными кибирями большими зверей простреливают навывлет»²⁴.

«Хотя весьма мало таких братских, которые б по руски говорить не умели, токмо которые от русских в дальних местах, да и таковых весьма мало, а ежели в нужном случае о чем российской братского станет спрашивать, токмо отвечают толмач угей, то есть «толмача нет».

и тем проезжающим, которые не знают братского языка, весьма весьма скучно и страшно, ибо у братских о всякой домашней безделушке кричат громко и бегают сердито. А чтоб говорили должно дать сухарей, табаку или чего другого, что несколько по-русски говорить станут.

Сие их упрямство к объявлению российского языка не от чего от другого впоследствии, как от разговоров с российскими, а особливо не говорят другова ничево, перво станут толковать, что вы не креститесь»²⁵.

«У братских для мытия платья и другого чего мыла или другого тому подобного нет, а платье всякое не моют до износу, а ежели в чем обмараются, оботрут токмо травой, а лицо и руки всякий день умывают водою, зимою льдом и снегом. Братские как мужского, так и женского полу, между собою съезавшись в гости или на дороге родственники или знакомые, не целуются, а вместо целования обнимают друг друга крепко, так, что от того многие краснеют.

«Братские, как в городе будучи или в другом месте, выпрашивают у русских: што слышно нового, каков судья, а особливо: нет ли приезжающих и много ли подвод с ними».

«...Никакой вор или беглой, околом братских юрт укрыться не может, как скоро увидят у юртах или на дороге, тотчас спросят подорожной и, завязав руки

«Для военного случая имеют они стрелы с тоненькими круглыми копьями. Есть у них стрелы, называющиеся кибирь, у коих копейца весьма широки и острые, а с верху копейца косточка с дырочками, от коих стрела на лету визжит, теми кибирями зверей простреливают они на сквозь»²⁵.

«Хоть весьма немного незнающих Российского языка, однако на вопрос о каком-либо деле Братской обыкновенно отвечает: толмач угей — толмача нет; от того проезжающим, которым язык их и обыкновения не известны, в улусах скучно и страшно бывает, ибо о каждом домашнем деле кричат они громко и бегают сердито.

Сказывают, что притворное незнание показывать привыкли они от того, что каждой Россиянин обыкновенно прежде всего спрашивает их, для чего они не крестятся»²⁷.

«Платья своего никакого они никогда не моют, а ежели в чем обмараются, то обтирают только травой, лицо ж и руки всякий день умывают водою летом, а зимою трут льдом и снегом.

«Ни родственники, ни знакомые как мужского, так и женского пола у них никогда не целуются; вместо того обнимают они друг друга так крепко, что от того многие краснеют.

«До новых вестей они великие охотники, и о том, всегда выпрашивают, а особливо: каков начальник? Нет ли проезжающих? Много ли подвод?»

«...Около улусов их никакой вор ни же беглой укрыться не может, ибо как скоро кого увидят, то спросят пашпорта, которого никогда нет, то завязав руки назад отводят до первых присутственных мест; ежели у них кто ночью украдет, тогда со всех ближайших улусов збегутся и выследят, куда бы вор ни ушел: для того бегающие с Нерчинских заводов ссыльные всегда проходят близко Российских деревень и лесами, а близко Братских юрт итти боятся»²⁸

²⁴ «Описание...», стр. 27.

²⁵ Н. В. Ким, Указ. раб., стр. 156.

²⁶ «Описание...», стр. 36, 37.

²⁷ Н. В. Ким, Указ. раб., стр. 153.

²⁸ Там же, стр. 155—156.

назад отвозят до первых присутственных мест.

А ежели бы что ночью украл в юрте у братских, у которых все лежит без всяких затворов и замков, то тотчас со всех ближних улусов збегутся и выследят, хотя бы ушел в лес. А когда из сереброплавяющего нерчинского заводу бегают ссыльные или другие, то всегда проходят блиско российских деревень и лесами, а мимо братских юрт итти боятся и мимо их итти не можно, что схватывают»²⁹

В отдельных случаях Ф. Ланганс отходит от оригинала, меняет порядок размещения материала, вносит в повествование дополнительные сведения, правда, не очень значительные, почерпнутые из других источников. Тем не менее в любой части его сочинения, касающейся бурят, чувствуется почерк М. Татаринова.

Работа Ф. Ланганса была выполнена по требованию Петербурга как справочное пособие и имела четкое и весьма узкое целевое назначение: в связи с новым административно-территориальным разделением Сибири и образованием Иркутского генерал-губернаторства снабдить центральное правительство материалами о народах Восточной Сибири, без чего нельзя было сколько-нибудь удовлетворительно решать вопросы фиска, управления краем и т. д. Поэтому ничего нет предосудительного в том, что Ф. Ланганс широко использовал в работе все имевшиеся в его распоряжении печатные и рукописные материалы, в том числе и работу М. Татаринова. Хочется только отметить, что все похвальные отзывы, адресованные исследователями Ренье и Ф. Лангансу, по праву принадлежат Михаилу Татаринову.

THE DESTINIES OF A CERTAIN MANUSCRIPT

The author adduces data to prove that the real author of the XVIIIth century work «Description of Brat Tatars» («*Opisaniye o bratskikh tatarakh*») was Mikhail Tatarinov, and not the Swiss author Regnier as was previously supposed.

---

²⁹ «Описание...», стр. 41—42.
